

Индонезия: права человека. Современная ситуация

Другов Алексей Юрьевич

доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании ИВ РАН, Россия, Москва, alexdrugov37@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Аннотация: Уровень обеспечения основных прав человека в современной Индонезии значительно повысился в период демократических реформ, начиная с 1998 г. Стране, однако, приходится преодолевать сложное наследие общинных традиций политической культуры, сложившейся в период авторитаризма. Отрицательную роль играет в последнее время рост исламистского радикализма. Рассматриваются проблемы в этой области в Аче и Папуа, и социальные процессы, препятствующие более полному обеспечению основных прав человека в Индонезии.

Ключевые слова: права человека, религия, ислам, наследие, традиции, социальные различия, армия, власть, правительство

Human rights in Indonesia. Present situation

Aleksey Yu. Drugov

Doctor of Political Sciences, Chief Researcher at the Center for SEA, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow, alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Abstract: The level of securing of basic human rights in Indonesia has raised significantly during the period of democratic reforms beginning from 1998. Still Indonesians have to overcome complex heritage of communal traditions and that of the political culture which emerged during previous authoritarian regimes. The recent rise of Islamic radicalism also plays its negative role. The author touches upon the situation in the provinces of Aceh and Papua as well as upon social processes that stand in the way of securing more completely the human rights in the country.

Keywords: human rights, religion, Islam, heritage, traditions, social differences, army, power, government

Проблема соблюдения и обеспечения прав человека в Индонезии занимает все более значительное место в политической полемике и средствах массовой информации, обретая известную остроту. Причин здесь, по крайней мере, две. Первая – позитивный фактор – рост правовой сознательности интеллигенции, среднего класса и, соответственно, рост востребованности прав человека в этой

среде, увязка этого вопроса с развитием общества в других сферах. Вторая – негативный фактор – наметившаяся в последние годы тенденция обострения внутренних противоречий в индонезийском обществе, определенное нарастание исламского радикализма, прямым и косвенным следствием которого становится ущерб правам граждан. «The Economist Intelligence Unit», (аналитическое подразделение английского журнала “The Economist”) отмечает определенное падение уровня демократии в Индонезии с 7,03 баллов в 2015 г. до 6,48 в 2019 г. (при некотором росте с 6,39 в 2017 и 2018 гг.)¹.

Необходимо достаточно полно и стереоскопично представить себе то моральное и политикокультурное наследие, которое досталось индонезийскому обществу после 32-летнего правления авторитарно-репрессивного режима «нового порядка» (1966-1998 гг.). Этот режим пришел к власти в результате государственного переворота, сопровождавшегося массовым террором против членов левых организаций, которых обвиняли в попытке захвата власти, что было прямой фальсификацией событий. До сих пор точно не установлено число погибших – называются цифры до 1,5 млн. человек и даже больше².

В основе политической культуры «нового порядка» лежало отрицание прав граждан на жизнь, на личную свободу, на свободу слова, убеждений, на обеспечение прав граждан законом. Долгосрочным результатом стало отчуждение граждан от власти, от правопорядка, ощущение рядового гражданина, что власть не обеспечивает его интересов и, более того, что эти интересы могут быть обеспечены вне правового поля, вне сотрудничества с властью. Развилась правовая нигилизм, абсолютизация насилия, в особенности, на уровне «корней травы». Вскоре после падения «нового порядка» на семинаре, посвященном проблеме прав человека в конце марта 1999 г. докладчик представитель МИД Индонезии Димас С. Рум высказал смысл, что за нарушения прав человека в предшествовавшие десятилетия несут ответственность не один какой-то человек или группа лиц, но весь индонезийский народ. Люди привыкли к такому образу жизни, когда у них не было желания или недоставало смелости говорить правду³.

Заметим, что «говорить правду» в условиях репрессивного режима было чревато риском для жизни или, по крайней мере, свободы человека. Генезис и в значительной мере существование режима были построены на неправде, и попытки поставить ее под со-

мнение квалифицировались бы как антигосударственное преступление. Но при этом следует признать, что военный режим смог развязать террор и удерживаться у власти на протяжении 32 лет в значительной степени благодаря традиционной политической культуре большинства индонезийцев, в которой индивидуальные права личности отодвигались на второй и третий план.

Падение «нового порядка» подвел наиболее «продвинутые» круги элиты к пониманию необходимости определенных реформ в этой области. В 1999 г. был принят закон об обеспечении основных прав человека, в котором указывалось, что право на жизнь, личные свободы, свобода мышления, вероисповедания, свобода от рабства, защита от пыток, равенство перед законом являются основными правами человека и не могут умаляться никем и ни при каких условиях.

В 2000 г. Народных консультативный конгресс, высший законодательный орган страны, внес в конституцию отдельную главу (X-A), состоящую из 12 статей, посвященную правам человека, в которой охвачены практически все аспекты этой области, и регулировались они в целом на достаточно современном уровне. Во время президентств Бахаруддина Юсуфа Хабиби (1998-1999 гг.) и Абдурахмана Вахида (1999-2001 гг.) были приняты ряд мер по отмене наиболее жестких ограничений политических прав и основных прав человека, введенных предыдущим режимом – разрешено создание новых политических партий, отменены дискриминационные меры по отношению к китайскому этническому меньшинству. Была придана достаточная самостоятельность Национальной комиссии по правам человека, созданной еще в 1993 г., однако, функционировавшей как некий придаток исполнительной власти.

Президент А.Вахид принес извинения гражданам, пострадавшим в результате террора, и выступил за отмену постановления Народного консультативного конгресса от 1966 г. о запрещении марксистско-ленинской идеологии, указав, что с идеями нельзя бороться запретами. Его призыв не встретил понимания в элите, и запрет остается в силе до наших дней.

Обеспечение основных прав человека в Индонезии должно осуществляться одновременно в двух плоскостях – урегулирование нарушений, осуществленных ранее, и положение в этой области в настоящее время. Подход к проблеме прав человека в целом является одним из наиболее очевидных индикаторов глубины демократических преобразований после 1998 г. В разгар своей первой изби-

рательной кампании нынешний президент Индонезии Джоко Видодо в статье, озаглавленной «Духовная революция» и опубликованной в джакартской газете «Компас» 10 мая 2014 г., писал: «Реформы, осуществленные в Индонезии после крушения режима «нового порядка» в 1998 г., носили в основном институциональный характер. Они не затронули парадигму, образ мышления, культуру национального развития. Чтобы эти изменения были действительно плодотворными, не останавливались в своем развитии и соответствовали идеалам Декларации независимости Индонезии, идеалам справедливости и процветания, необходимо совершить культурную революцию», указывал он через 16 лет после начала процесса реформ.

Индонезийская элита в целом к концу 1990-х гг. ощущала, что режим «нового порядка» исчерпал себя и для выхода из политического и экономического кризиса, в котором страна оказалась в 1997 г., необходимы реформы. И они, как сказано выше, были осуществлены в официальном правовом поле. Но надо иметь в виду, что в 1998 г. к власти пришли люди, в большинстве своем поднявшиеся на политический Олимп в лоне прежнего режима с его представлениями об отношениях между верхами и низами. До культурной революции в их сознании было еще далеко, Джоко Видодо предстояло в этом убедиться. Это в особенности касалось военной верхушки, тысячами нитей, связанной с «новым порядком», От нее исходит ожесточенное сопротивление всякий раз, когда ставится вопрос о восстановлении исторической истины и компенсации пострадавшим в результате репрессий 1960-х гг. и их семьям. В 2001 г. вышла книга Субандрио, одного из ближайших соратников свергнутого в результате переворота президента Сукарно, который в 1965 г. совмещал три поста – первого заместителя премьер-министра (главой правительства был президент), министра иностранных дел и начальника разведки и контрразведки. В этой книге, озаглавленной «Мои свидетельства о Движении 30 сентября»⁴, автор безоговорочно, основываясь на опыте личного общения с участниками событий, утверждал, что убийство шести генералов 30 сентября 1965 г., в котором обвиняли коммунистов, было осуществлено с ведома и при поддержке генерала Сухарто, прокладывавшего себе путь к власти. Этот важнейший источник был обойден молчанием, как и другие подобные свидетельства. Призывы правозащитников вернуться к анализу подлинных причин этой трагедии фактически игнорируются. Известны случаи, когда попытки проведения научных

семинаров по этой проблеме были сорваны под угрозой погромов при почти нескрываемом попустительстве полиции⁵.

В отношении этих событий, как и ряда других тяжких нарушений прав человека, официальные лица нередко ссылаются на их давность, отсутствие достоверных данных и свидетелей. Надо полагать, что причина здесь в другом. Военные и другие архивы наверняка хранят достаточно самых убедительных свидетельств по этим вопросам. Их объективное изучение могло бы привести к вводу, что эти события были спроектированы и использованы определенными группировками в армии в собственных целях, что обвинение Компартии Индонезии в антигосударственном заговоре было сознательным извращением истины и деятельность военной элиты, начиная с 30 сентября 1965 г., была растянутым во времени государственным переворотом. Такой вывод был бы ударом по легитимности всего режима «нового порядка» в 1966-1998 гг. и по престижу армии, бывшей его главной политической силой и аппаратом.

Иногда заявления государственных деятелей носят двусмысленный, обтекаемый характер. Так, 19 ноября 2019 г. министр-координатор Махфуд предложил Национальной комиссии по правам человека предоставить генеральной прокуратуре соответствующие доказательства. В противном случае, заявил он, в судебном порядке эти вопросы решить не удастся, поскольку «потерпевших уже нет, и доказательств у прокуратуры тоже нет»⁶. Он же предложил восстановить ранее упраздненную комиссию по установлению истины и примирению, которая займется этими вопросами⁷. Вопрос, однако, в том, какими полномочиями будет наделена эта комиссия, – ей будут противостоять в ряде случаев структуры, незаинтересованные в раскрытии истины.

Годом раньше вице-президент Ю.Калла, признавая наличие ряда тяжелейших нарушений прав человека в прошлом, ссылался на то, что предыдущие правительства тоже мало что сделали в этой сфере, и на трудности в расследовании этих преступлений⁸. В целом, по подсчетам правозащитных организаций, по крайней мере, 12 из 15 тяжких нарушений остаются неразрешенными и нерасследованными. Среди них чаще всего упоминают расстрелы студенческих демонстраций в университете Трисакти (1998 г.) и две аналогичных трагедии в районе Семангги в ноябре 1998 г. и в сентябре 1999 г.

12 мая 1998 г. студенты и преподаватели университета Трисакти проводили мирную демонстрацию против военного режима и ухудшения положения народа. Были убиты, по крайней мере, четыре человека. 13 ноября 1998 г. в районе Семангги были расстреляны студенты, требовавшие отставки президента Б.Ю.Хабиби, сменившего Сухарто, проведения политических реформ и ликвидации самостоятельной политической роли армии. Одиннадцать человек погибли, 109 были ранены. В сентябре 1999 г. была там же расстреляна демонстрация студентов, протестовавших против нового закона о порядке введения военного положения. В июле 2001 г., рассматривая события в Семангги, парламент не нашел в них тяжких нарушений прав человека, и на этом основании уже в январе 2020 г. генеральный прокурор отказался рассматривать их в качестве таковых⁹.

На судебном процессе по делу о расстреле в университете Трисакти шестеро обвиняемых получили сроки от двух до 10 месяцев тюрьмы. Три годами позже еще девять обвиняемых получили от трех до шести лет заключения. Национальная комиссия по защите основных прав человека отмечала, что наказание понесли рядовые исполнители, а не те, кто отдавал им приказы¹⁰. В январе 2020 г. министр-координатор Махфуд заявил, что сроки рассмотрения подобных проблем не ограничены¹¹.

До сих пор правозащитники требуют расследовать серию таинственных убийств на Восточной Яве в период с февраля по сентябрь 1998 г. Группы убийц по ночам уничтожали мусульманских священнослужителей, обвинявшихся в занятиях черной магией. Власти не смогли дать достоверную официальную версию происшедшего, указать, кто стоял за убийствами, жертвами которых стали до 200 человек. Тогда фигурировали две версии. Одна из них – месть родственников за коммунистов, убитых в 1966-1967 гг. правыми исламистами¹². Вторая версия предполагала, что убийства спровоцировали спецслужбы, чтобы дестабилизировать ситуацию и доказать необходимость сохранить за армией ее внеконституционные полномочия¹³.

Член Национальной комиссии по правам человека Хоирул Аннам подверг сомнению серьезность намерений правительства и правоохранительных органов решать проблему нарушений прав человека. Он обвинил генеральную прокуратуру в том, что в ряде случаев она под разными предлогами не использует материалы собранные Комиссией, и требует документальных доказательств того,

что эти нарушения были совершены по указанию официальных институтов. Проблема в том, что все подобные документы находятся в ведении как раз тех институтов, которые подозреваются в нарушениях и Комиссия не уполномочена их изымать. Генеральная прокуратура в свою очередь ссылается на то, что доказательные документы сложно найти в связи с давностью событий¹⁴.

В этой связи нынешний президент Джоко Видодо находится в более сложном положении, чем его предшественники на этом посту. Он - аутсайдер в элите, в отличие, например, от отставного генерала С.Б.Юдойоно, у него нет своей партии или массовой организации в отличие от Мегавати Сукарнопутри или Абдуррахмана Вахида. Он чужой и для большинства олигархов, контролирующих прессу и крупнейшие компании, и для большинства мусульманской элиты. Но главная проблема заключается в том, что в условиях радикализации мусульманской общины президент и его правительство оказываются в серьезной зависимости от армии, тогда как именно с армией, ее деятельностью так или иначе связаны большинство прошлых нарушений. Частный пример. В сентябре 2004 г. погиб от отравления известный правозащитник Мунир, один из основателей Комиссии по розыску пропавших лиц и защите жертв насилия. Расследование этого случая не дало результатов. Уже в сентябре 2017 г. тогдашний министр по вопросам политики, права и безопасности генерал в отставке Виранто заявил корреспонденту, что есть много вопросов, более заслуживающих внимания¹⁵. Заметим, что в 1998-1999 гг. генерал Виранто был главнокомандующим вооруженными силами Индонезии и именно его имя связывают с расстрелами в Трисакти и Семангги, а также репрессиями в Восточном Тиморе.

Примечательна полемика, которая развернулась между министром-координатором Махфудом и одним из руководителей Фонда юридической помощи Индонезии Мохаммадом Линуром. Выступая на мероприятии, посвященном Дню прав человека 10 декабря 2019 г., министр утверждал, что в современной Индонезии права человека не нарушаются властями. Имеющиеся нарушения не носят характер репрессий, а имеют скорее горизонтальное измерение и происходят в форме противоречий между группировками населения. Роль органов власти в сфере защиты прав человека переместилась в социальную, культурную и экономическую области. Правозащитник на это возразил, что конституция возлагает на правительство защиту и обеспечение прав человека. Действия, которые со-

вершают граждане по отношению друг к другу, называются преступлениями, а не нарушениями прав. Нарушения совершает власть, когда допускает эти действия¹⁶.

Проблема соблюдения прав человека чаще всего возникает в религиозной сфере. Конституция Индонезии (ст.29, п.1) гласит, что государство основывается на вере в Единого Бога, причем (п.2) каждому гражданину гарантируется право исповедовать свою религию и отправлять религиозные предписания в соответствии со своей религией или верованием. Заметим, что уже п.1 содержит элемент императивности – гражданам предписывается религиозность. Графа «вероисповедание» присутствует в паспортах (удостоверениях личности) и может создать для владельца существенные осложнения, например, при поступлении на работу или приобретении участка земли в регионе, где он относится к религиозному меньшинству. В феврале 2016 г. тогдашний министр внутренних дел Чахью Кумоло заявил, что министерство разрешает не заполнять графу «вероисповедание» последователям верований помимо шести официально признанных религий (ислам, протестантство, католицизм, буддизм, индуизм, конфуцианство)¹⁷. Проблема, однако, в том, что в критических ситуациях их будут опознавать по незаполненной графе, и таким образом проблемы создает само ее существование.

Религиозные ограничения присутствуют в конституции и в других формах. Глава 31 (п.5) указывает, что правительство содействует развитию науки и технологий, высоко чтя религиозные ценности и национальное единство. Глава 28J (п.2) гласит, в частности, что в осуществлении своих прав и свобод граждане обязаны учитывать религиозные ценности, – положение, чреватое произвольным расширительным толкованием.

Самые острые проблемы возникают в связи с положением религиозных меньшинств на местах. Ситуация осложняется тем, что в последние десятилетия местные органы власти получили широкое полномочия в сочетании с известным сокращением прерогатив центрального правительства по отношению к регионам. Как следствие, в погоне за голосами избирателей местные органы нередко попустительствуют эксцессам религиозных радикалов. Как писала газета «Джакарта пост» 11 мая 2019 г., одна из причин того, что не удастся в равной мере защитить последователей всех религий, заключается в отсутствии сигналов сверху, с президентского уровня. Поскольку в эпоху реформ президент зависит от голосов мусульман,

он и его министры, особенно, в последнее время прислушивается к настроениям мусульманской общины. «Подчиняясь тирании большинства, они сворачивают кампании в защиту терпимости, позволяя губернаторам, главам районов и мэрам городов самостоятельно решать самые чувствительные вопросы во имя региональной автономии».

В 2019 г., по данным Центрального статистического управления Индонезии, в 20 из 34 провинций страны отмечалось снижение уровня свободы вероисповеданий. Институт имени Абдуррахмана Вахида в 2018 г. констатировал рост подобных нарушений в сравнении с предыдущим годом с 265 до 276¹⁸. Этот феномен следует отнести прежде всего за счет обострения социальных противоречий, принимающих религиозную окраску, и связанного с этим роста исламского радикализма.

Вот несколько примеров проявления религиозной нетерпимости. Как сообщал в декабре 2019 г. глава Союза церквей Индонезии Гомар Гултом, в некоторых районах Западной Суматры христианам запрещают проводить религиозные службы и отмечать Рождество в своих домах и в то же время не дают разрешения на строительство храмов. Аналогичные события отмечены в провинции Джамби на Суматре¹⁹. Это не единичный случай. Реагируя на это сообщение, президент Джоко Видодо заявил, что недопустимо запрещать христианам празднование Рождества, и поручил начальнику государственной полиции обеспечить верующим безопасность в соответствии с конституцией²⁰.

В декабре 2019 г. начальник полиции Большой Джакарты отдал распоряжение принимать самые жесткие меры против организаций, которые попытаются осуществить враждебные акции против христиан, празднующих Рождество и Новый год. Примечательно, что полиция договорилась о взаимодействии с системной мусульманской молодежной организацией Ансор в деле обеспечения безопасности христианских храмов²¹.

В связи с участившимися случаями проявления религиозной нетерпимости, случаев, когда представители религиозного большинства в ряде регионов нападали на христианские храмы или мусульманские мечети там, где мусульмане в меньшинстве, президент Джоко Видодо в начале февраля 2020 г. дал указание министру-координатору Махфуду и начальнику государственной полиции Тито Карнавиану принимать соответствующие меры против экстремистов. Пресса, одобряя это решение, отмечала, что правитель-

ству следовало принять его значительно раньше, и выражала беспокойство, что ответственность за его исполнение ложится на местные власти, которые нередко идет на компромисс с радикалами в ущерб интересам меньшинств²².

Приведенные выше факты, как и некоторые другие, свидетельствуют о том, что в последнее время индонезийское правительство стало занимать несколько более жесткую позицию по отношению к нарушению прав религиозных меньшинств. Это вызвано обеспокоенностью усилением проявлений религиозного радикализма в стране. Толчком стала кампания, развернутая исламистами во время выборов мэра Джакарты в 2017 г., когда их основная аргументация была проникнута враждебностью к кандидату, принадлежавшему к этническому (китаец) и религиозному (протестант) меньшинствам. Тогда мусульманские радикалы даже добились его осуждения на тюремный срок по ложному обвинению в поношении Корана. То, что исламисты добились своей цели, свидетельствовало об опасных тенденциях в настроениях в низах и об откровенных попытках определенных кругов элиты использовать эти настроения в своих интересах.

Реакцией на активизацию исламистов было принятие парламентом в ноябре 2017 г. поправок к закону №17 от 2013 г. о статусе общественных организаций. В преамбуле к новому варианту закона говорилось, что ранее не было юридических норм, которые обеспечивали бы всесторонний подход к организациям, деятельность которых противоречит государственной идеологии и конституции. Статья 59 содержала 12 видов запретной деятельности, включая возбуждение вражды против народностей, религий, рас или социальных групп, а также проповедь сепаратизма. У правозащитников вызвал беспокойство запрет на оскорбление или поношение религий, признанных в Индонезии, а также запрещение следовать учениям или воззрениям, противоречащим идеологии государства. Указывалось, что подобные запреты подвержены весьма широкому спектру толкований. Право принимать решение о том, насколько деятельность организации соответствует нормам закона, предоставляется министру юстиции и по правам человека, и в случае нарушений ее роспуск осуществляется во внесудебном порядке (ст.62). За нарушение закона предусматривается тюремное заключение сроком от пяти до 20 лет или пожизненное (ст. 82А).

Особое место в этом отношении занимает провинция Аче, расположенная на северной оконечности острова Суматра. Чтобы

погасить здесь сепаратистское движение радикально исламистского толка, правительство в 2005 г. пошло на компромисс, предоставив Аче особый статус, предполагающий обязательное исполнений всех установлений ислама и применение наказаний к их нарушителям.

Международная правозащитная организация “Amnesty International” подвергла критике уголовный кодекс, вступивший в силу в Аче 23 октября 2015 г. Порка тростниковыми палками (до 100 и более ударов) установлена за употребление спиртных напитков, внебрачный и однополый секс и даже пребывание наедине с лицом иного пола.. Одна из статей устанавливает что женщина, подвергшаяся изнасилованию, должна предоставить доказательства этого события. Если власти сочтут эти доказательства недостаточными, для мужчины достаточно поклясться в своей невиновности, а женщина может подвергнуться порке, штрафу или тюремному заключению на срок до 30 месяцев. Заместитель председателя шариатского суда провинции Джамил Ибрагим заявил, что эти установления не противоречат действующему позитивному праву и не нарушают основные права человека²³. Пресса сообщала, что в начале 2020 г. была сформирована группа женщин-палачей, которая исполняет эту обязанность по отношению к «грешницам»²⁴. Известны случаи, когда за нарушение исламских законов подвергались подобному наказанию сторонники иных религий²⁵. Порки проводятся публично.

Эта ситуация вызывает законную тревогу в обществе как по соображениям гуманности, так и потому, что служит примером необязательного соблюдения конституции, где п.1 статьи 28 “Г” говорит, что граждане не могут подвергаться пыткам. Критика со стороны правозащитников не принимается во внимание местными властями, как и весьма умеренный призыв президента Джоко Видодо не проводить экзекуции на открытых площадках вне помещений, «чтобы не отпугивать будущих инвесторов»²⁶.

Ситуация в Аче чревата не только систематическими нарушениями прав человека, но и демонстрационным эффектом, играя на руку тем местным властям, которые в угоду радикальным исламистам, навязывают населению шариатские нормы. В апреле 2017 г. Конституционный суд Индонезии принял решение, в соответствии с которым центральное правительство и министерство внутренних дел лишены права отменять законодательные акты местных властей. Печать отмечала, что это решение было принято в условиях роста религиозного консерватизма и способно привести к росту числа актов, нарушающих права женщин и меньшинств²⁷.

Ситуация в Аче, хотя это публично не признается, одно из самых явных проявлений исламского радикализма в Индонезии и связанных с этим нарушений прав человека.

Отдельного внимания требует положение этнических меньшинств, о чем отчасти говорилось в связи с выборами в Джакарте. Известно, что в первые же годы эры реформ были отменены законодательные акты, носившие дискриминационный характер по отношению к китайскому этническому меньшинству – конфуцианство включено в число официально признанных религий, снят запрет на использование иероглифов и на празднование китайского Нового года, признанного официальным праздником. Тем не менее, на местах в действиях властей все еще просматриваются элементы дискриминации. В Джокьякарте запрещено владеть землей индонезийцам китайского происхождения. Местные власти дважды отклонили требование отменить этот закон. В той же провинции 42-летнему художнику было запрещено арендовать дом в деревне, поскольку он был католиком, а не мусульманином. В другой деревне местные жители разрушили крест на могиле христианина²⁸.

В августе 2018 г. суд в г. Медане (Северная Суматра) приговорил к полутора годам тюремного заключения индонезийку китайского происхождения и буддийского вероисповедания по обвинению в поношении религии за то, что она пожаловалась в сугубо частной беседе на слишком громкие призывы к молитве, которые раздаются с минарета мечети. Слух об этом распространился по округе и спровоцировал антикитайские погромы. Примечательно, что представители двух крупнейших мусульманских организаций страны – Нахдатул Улама и Мухаммадья – выступили с критикой решения суда как необоснованного и даже поставили вопрос о необходимости более точной формулировки статей Уголовного кодекса, трактующих проблему поношения религии²⁹.

В одном из районов г. Сурабая (Вост. Ява) власти ввели двойную оплату для «некоренных» жителей, желающих оформить жилье или основать бизнес³⁰.

Правительство в определенной мере старается противостоять этим явлениям. Демонстративным шагом было назначение Басуки Чахайя Пурнама (того самого кандидата в мэры Джакарты после отбытия тюремного наказания) на весьма высокий пост в государственной нефтяной компании Пертамина.

В январе 2020 г. с необычайным размахом прошло празднование китайского Нового года. Президент Джоко Видодо принял уча-

стие в ряде мероприятий, проводившихся в этой связи. Выступая на одном из них, он призвал брать пример с этнических китайцев, «которые трудятся с утра до полуночи». Поэтому, несмотря на общее замедление экономического процесса, сказал он, бизнес предпринимателей китайского происхождения сохраняет свои позиции во всех отраслях³¹. Это высказывание главы государства в пользу китайского меньшинства было поистине беспрецедентным, учитывая, что отношение к этой диаспоре во всех слоях индонезийского общества остается неоднозначным, поскольку этнические, религиозные и культурные различия налагаются на существенные различия в имущественном положении. Отсюда упор, который президент сделал на трудолюбие китайцев, рискуя вызвать опять-таки неоднозначную реакцию в обществе.

Отдельной и весьма запущенной проблемой оставалось и в значительной мере остается положение в провинциях Папуа на западной половине острова Новая Гвинея. После воссоединения с Индонезией в 1963 г. эта бывшая голландская колония с населением, которое в расовом, культурном и религиозном отношении значительно отличается от остальных регионов страны, сохранила весьма существенный разрыв в социальном и экономическом отношениях. Индекс развития человека здесь самый низкий в стране – 61,80. по другим областям в среднем 69,80³².

Число людей, живущих ниже уровня бедности в провинциях Папуа составляет от 23 до 28%. Для сравнения – в Джакарте – 3,5%³³. В марте 2019 г. к числу бедных в Индонезии в целом относилось 9,47% населения, а здесь – 27,55%³⁴. В конце 2017 г. в стране было 3000 деревень, не имеющих электроэнергии, из них 2000 в Папуа³⁵.

То, что внешне выглядит как неравномерность экономического и социального развития, на деле имеет прямое отношение к правам человека. Резкое обострение ситуации в Папуа в 2019 г., вылившееся в акции насилия со стороны коренного населения, побудило власти и общественность к более стереоскопическому анализу положения в регионе. Было признано, что имеют место нарушения прав коренных жителей, как это видно, в частности, из приведенных выше цифр. Массовая миграция в Папуа из перенаселенных регионов страны привела к тому, что многие ключевые позиции на всех уровнях заняты приезжими, как правило, более подготовленными и социально более активными. Не был учтен отрицательный опыт Восточного Тимора, где в период пребывания этой террито-

рии в составе Индонезии развивались весьма сходные процессы. Депутат индонезийского парламента от Папуа Джемми Демианус Иджил заявил, что политическое влияние в регионе постепенно переходит в руки «приезжих». В Мерауке среди членов местного парламента нет уроженцев Папуа, в Соронге их очень мало³⁶.

Исследования, проведенные индонезийскими учеными, выявили ряд основных причин конфликтов в Папуа. Среди них нарушения прав человека, маргинализация и дискриминация по отношению к коренному населению, отставание развития, особенно в таких областях, как образование и здравоохранение, участие населения в экономической активности. При этом отмечается, что после 1998 г., в эпоху реформ подход Джакарты к проблемам Папуа несколько изменился. В 2001 – 2018 гг. в рамках статуса особой автономии Папуа было выделено около 75 трлн. рупий (по курсу 2018 г. около 5,5 млрд. долл.)³⁷. Но у исследователей возник вопрос, какая часть этих средств была реально использована для повышения культурного и социального уровня населения.

Глава местной службы здравоохранения Алоисиус Гуаи заявил, что есть пять факторов, ведущих к вымиранию коренного населения. Первый, потери в результате военных операций против сепаратистов в прошлом и в настоящем. Второй, такие заболевания, как малярия, ВИЧ, корь, недоедание и другие. Третий, неумеренное употребление алкоголя. Четвертый, низкий уровень медицинского самосознания – «они не обращаются к врачу, пока дело не дойдет до кровавой рвоты или потери сознания». Пятый, географическое положение и характер местности, затрудняющий оказание медицинской помощи³⁸.

Возникает вопрос, насколько обеспечено и одновременно востребовано основное право человека – право на жизнь. Заслуживает внимания мнение профессора университета в Сурабае Багонга Сунянто, который считает, что обострение ситуации в Папуа вызвано не только прежними прегрешениями властей, но и тем, что капиталистическое развитие пришло в противоречие с традиционными ценностями³⁹.

В условиях обострения внутреннего положения в Папуа нарушения прав человека часто происходят в форме не всегда пропорциональной реакции власти на антиправительственные акции сепаратистов, в том числе и вооруженных группировок. Часто приводимые в качестве примера события в Вамена 4 апреля 2003 г. заключались в том, что правительственные войска провели в день

празднования Пасхи облавы в 25 деревнях в ответ на нападение неопознанных лиц на арсенал местного военного округа. Эти последние похитили оружие и боеприпасы, убили двух военнослужащих и ранили одного. По данным Национальной комиссии по правам человека, в ходе насильственного переселения этих деревень погибли 42 человека⁴⁰.

Проще всего сказать (и не без оснований), что правительство Джoko Видодо вынуждено здесь иметь дело с наследием предыдущих эпох и режимов. Но реформы продолжаются уже больше 20 лет, и Папуа – не единичный случай. Верховный комиссар по правам человека ООН Зеид Раад аль-Хуссейн, посетивший Джакарту в феврале 2018 г., сообщил, что в ООН поступают многочисленные жалобы жителей многих провинций от Суматры до Папуа на то, что при разработке месторождений полезных ископаемых, устройстве плантаций крупные компании вырубаят леса без должных консультаций с местными жителями⁴¹. Два месяца раньше президент Джoko Видодо признал, что власть в ряде случаев нарушает права населения в отношении местных традиций и обычаев (адата), касающихся земли и лесов⁴².

Результаты исследований, проведенных Институтом имени Абдурахмана Вахида в 2019 г., свидетельствуют о продолжающемся росте радикализма и нетерпимости в стране, что, по словам директора института Енни Вахид, дочери четвертого президента страны, в ряде случаев ведет к нарушениям прав человека – разрушению культовых сооружений, недопущению представителей некоторых этносов к определенным видам деятельности или к определенным профессиям (она не детализировала свое высказывание)⁴³.

Сейчас редко вспоминают о том, что принцип уважения прав человека был поставлен на первое место среди десяти принципов мирного сосуществования, сформулированных конференцией стран Азии и Африки в Бандунге (Индонезия) в апреле 1955 г. Казалось бы, это должно означать, что этот принцип органично вписывается в культурную и политикокультурную специфику наций и этносов, населяющих этот регион. Однако следует согласиться с мнением Д.В. Мосякова, высказанным на конференции, посвященной 45-летию этого форума в 2000 г., что Бандунг отражал дух и атмосферу середины 1950-х гг., когда мир, особенно в его интеллектуальной и элитной части был намного более «европейским» чем ныне.

Большинство участников конференции получили европейское образование и даже мыслили по-европейски⁴⁴. Народы же, населяющие эти страны, в большинстве своем находились на уровне преимущественно общинной политической культуры, в которой права и интересы индивида, личности отодвигаются на задний план в сравнении с правами, интересами и прерогативами общины или с теми, что выдаются за таковые или сознательно консервируются.

Весьма существенное обстоятельство заключалось и в том, что в 1950-х гг. в отличие от последующих поколений лидеров большинство из них не было причастно к предпринимательству и соответственно не имело классового интереса в ограничении прав трудящихся слоев и подчинении их своим потребностям. В Индонезии класс бюрократической буржуазии, в большинстве своем состоявшей из представителей военной элиты, зародился в середине 1950-х гг. и десять лет спустя обрел политическую гегемонию. Капиталистам-бюрократам, как их называли в Индонезии, были чужды, более того, враждебны либеральные идеи, они не видели внутренней органичной связи между упрочением прав человека и укреплением государства, ростом производительных сил. Авторитарный «новый порядок» до предела ограничил права индонезийцев и в существенной мере затормозил процесс модернизации политической культуры, который, если и развивался, то помимо режима и вопреки ему.

Что касается современного восприятия и востребованности прав человека в Индонезии, то, подводя итог всему сказанному выше, надо констатировать, что правозащитники отмечают снижение в последние годы внимания властей к этой проблеме. Причин здесь, очевидно, несколько. На одну из них указывает известный политолог Аирлангга Прибади Кусман, который считает, что современная олигархия корнями своими уходит в хищнический капитализм «нового порядка» и в Индонезии эпохи реформ еще слабы позиции либерально и социалистически настроенных реформаторов. Сказываются последствия деполитизации общества, проводившейся до 1998 г.⁴⁵. Продолжая эту мысль. Важно отметить, что существующие в стране системные организации недостаточно активно противостоят радикальным исламистам, набравшим силу в эпоху реформ. Власть стала едва ли не единственным институтом, выступающим против них. При этом чрезвычайно важную роль играет армия, а в ее философии права человека и идеи гражданского

общества занимают далеко не первое место, и президент далеко не свободен в проведении своей политики в этой сфере.

Непосредственно с этим связаны выводы, к которым пришел другой индонезийский политолог Тамрин Амал Томигол в отношении демократического процесса в стране. В 2017 г. он писал, что тот слой, который часто определяют как движущую силу этого процесса, фактически составляет средний класс города. Фактически игнорируются слои общества, находящиеся вне пределов городской демократии, включая весьма значительное сельское население. По оценке ученого большая часть жителей деревень остается в рамках общинного образа жизни и мышления. Община по-прежнему выступает как некое единство, в котором целое важнее, чем его части, в особенности, когда этой частью является личность. В общине личность не играет роли, и эти слои не участвуют в городском демократическом процессе⁴⁶.

Отрицательную роль играет сохраняющийся высокий уровень социального и имущественного неравенства. Еще в 2016 г. вице-президент Юсуф Калла говорил, что это неравенство достигло того уровня, который требует немедленного вмешательства власти, причем это явление наиболее тревожного состояния достигло в городах, где на одном берегу реки высятся роскошные дома, а на другом гнездятся жалкие лачуги. «Люди, теснящиеся в грязных районах Джакарты, нередко теряют надежду и эмоционально, порою взрывом эмоций реагируют на возникающие проблемы»⁴⁷. Острота социальных противоречий далеко не всегда является фактором роста правосознания.

Юсуф Калла был едва ли не единственным государственным деятелем, который обратил внимание на опасности в области соблюдения прав человека, которые возникают в связи с монопольным положением государственной идеологии панча сила. Он указывал, что обвинения в ее нарушении нередко носят субъективный и бездоказательный характер и используются для нанесения ущерба правам гражданина⁴⁸.

Весьма отрицательную роль играет тот факт, что вопрос о соблюдении прав человека используется Западом, прежде всего США, для вмешательства во внутренние дела стран Азии и Африки, причем нередко требования в этой области выглядят как требования признать моральное и политическое превосходство известного полюса силы. Это вызывает естественное отторжение в массе своей сугубо националистически настроенных индонезийцев.

Вместе с тем, перечисленные выше сложности, возникающие на пути к обеспечению основных прав человека в Индонезии, не должны умалять прогресс, который достигнут в этом отношении за последние 20 с лишним лет страной с огромным количеством явных и латентных проблем, заложенных в историческом наследии и современных процессах развития индонезийского общества.

¹ The Jakarta Post, 22.01.2020.

² См., в частности, M.R.Siregar. Tragedi Manusia dan Kemanusiaan. Kasus Indonesia. Sebuah Holokaus yang Diterima Sesudah Perang Dunia Kedua. Penerbit "Tapol". The Indonesian Human Rights Campaign. Cetakan Kedua. Amsterdam, Oktober, 1995.

³ Kompas (Jakarta), 01.04.1999.

⁴ Dr. H.Soebandrio. Kesaksianku tentang G-30-S. Jakarta, 2001.

⁵ The Jakarta Post, 18.09.2017.

⁶ Detik.com., 19.11.2019.

⁷ Detik.com., 13.11.2019.

⁸ Antara News, 11.12.2018.

⁹ Tempo.co., 20.01.2020.

¹⁰ <https://www.bbc.com/Indonesia/Indonesia-43940189>, дата обращения 08.01.2010.

¹¹ Detik.com., 24.01.2010.

¹² Forum Keadilan (Jakarta), No.15, 02.11.1998. Hal. 14-15.

¹³ The Straits Times (Singapore), 05.11.1998.

¹⁴ Kompas, 20.11.2019.

¹⁵ The Jakarta Post, 08.09.2017.

¹⁶ Suara Merdeka (Jakarta), 11.12.2019.

¹⁷ Gatra News, 23.02.2016.

¹⁸ Tempo (Jakarta), 10.01.2020.

¹⁹ Suara Pembaruan, 18.12.2019; The Jakarta Post, 04.01.2020.

²⁰ Gatra News, 18.12.2019.

²¹ Jawa Pos (Jakarta), 19.12.2019.

²² The Jakarta Post, 14.02.2020 (Editorial).

²³ The Jakarta Globe, 25.10.2015.

²⁴ Tempo, 28.01.2019.

²⁵ The Straits Times, 01.08.2019.

²⁶ Tempo, 28.01.2020.

²⁷ The Jakarta Post, 10.04.2017.

²⁸ The Jakarta Post, 16.04.2015.

²⁹ The Jakarta Pot, 22.08.2016; The Straits Times, 23.08.2016.

³⁰ The Jakarta Post, 24.01.2020.

³¹ Kompas, 30.01.2020.

³² Kompas, 20.02.2019.

³³ Gatra News, 22.08.2019.

³⁴ Tempo, 28.08.2019.

³⁵ Antara News, 20.12.2017.

³⁶ Republika, 06.10.2019.

³⁷ Tempo, 28.08.2019.

- ³⁸ Republika, 26.01.2018.
³⁹ Tempo, 02.09.2019.
⁴⁰ <https://www.bbc.com/indonesia/indonesia/-39031020> Дата обращения 08.01.2010
⁴¹ Antara News, 07.02.2018.
⁴² Suara Pembaruan, 10.12.2017.
⁴³ Republika, 19.01.2020.
⁴⁴ Восток (М.), №66 2000. С.125.
⁴⁵ Prisma (Jakarta), vol.36, 2017, No.1. Hal.150.
⁴⁶ Prisma (Jakarta), vol.36, 2017, No.1. Hal. 101.
⁴⁷ Antara News, 15.02.2016.
⁴⁸ Suara Pembaruan, 27.10.2017.

Статья поступила в редакцию 24.02.2020, принята к публикации 11.03.2020.